

На правах рукописи

Алексеев Александр Валерьевич

**КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА КАК ПРЕДМЕТ
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ**

Специальность: 10.02.01 – русский язык
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики преподавания филологических дисциплин института гуманитарных наук Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Официальные оппоненты:

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, почетный работник Высшего профессионального образования РФ, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»

Маршева Лариса Ивановна, доктор филологических наук, профессор, и.о. директора Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации»

Пименова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится «18» апреля 2022 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 850.007.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 4, ауд. 340б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpu.ru.

Автореферат разослан «_____» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

И.А. Канунникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена рассмотрению семантических аспектов слова (лексической единицы) со стороны интегрального лингвистического знания, позволяющего объединить сравнительно-исторические методы – с их точностью и проверенной надежностью – и методы когнитивные, лингвокультурологические – с их стремлением к постижению глубинных смыслов и культурных значимостей.

Актуальность представленной работы лежит в области исторической семасиологии как одного из разделов исторической лексикологии русского языка и связана с проблемой интегрального изучения языка и культуры. Исследование языка в контексте культуры признавалось необходимым со времен В. фон Гумбольдта, идеи которого получили свое развитие в отечественной «мифологической» школе (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня, В.Я. Пропп). Внимание к мифу было характерно для культурной антропологии (К. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, Б. Малиновский, М. Элиаде) и филологии (Я.Э. Голосовкер, А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский). Но большинство лингвистов дистанцировались от этих направлений, и вопрос о языке мифологий – о методах исследования такого языка – остается открытым в современной лингвистике.

В ряде лингвистических направлений используются специальные термины для описания слова в контексте культуры: концепт, логоэпистема, лингвокультурема, лингвоэпистема, лакуна, культурологическая компонента. Наиболее известным из этих терминов является концепт, однако многообразие его трактовок по-прежнему лишает концепт функции интегрального понятия. Необходимо определить универсальные принципы анализа концептуальной информации (более широкой, чем системно-языковая, т. е. экстенциональной, идеологической, культурной, эмоциональной, когнитивной, ценностной, значимостной и др.). Сохраняет актуальность вопрос об алгоритмах описания концепта в противоположность понятию, в том числе в рамках диахронической концептологии. Актуально рассмотрение концепта в аспекте его словоцентризма, через ключевые слова, слова-концепты (Н.Ф. Алефиренко, Г.В. Елизарова, Д.С. Лихачев, В.В. Колесов).

Актуальность исследований языка в контексте культуры связана с использованием семиотического подхода. Семиотические основания языка не вызывают сомнений, однако лингвисты до сих пор не выработали единого мнения о процедурах и алгоритмах трансляции культурного содержания в язык; не ясны возможности применения той или иной терминологии в связи со сложностью вербализации культурного содержания. В диссертации в качестве универсального семиотического средства описания языка и культуры предлагается использовать понятие символа. В лингвистической науке до сих пор не сформировано однозначное толкование символа как семиотической категории, в различных трактовках указываются не просто различные, но прямо противоположные свойства символа. Существующие классификации не решают проблемы, поскольку не отвечают на вопрос о

причинах терминологического расхождения. Не существует консенсуса о том, какое именно сущностное свойство символа обеспечивает его функционирование в культуре и языке.

Актуальность заявленной темы в области исторической лексикологии и лексикографии связана с необходимостью осмыслить традиционные методы диахронического описания лексики в контексте антропологической лингвистики. В настоящее время перспектива историко-лексикологических исследований определяется синтезом различных направлений – структурного, источниковедческого, когнитивного. Это позволяет рассматривать причины и механизмы семантических изменений слов как в аспекте типологии языков и культур, так и в контексте исторических форм мышления и культуры (И.А. Антипова, Л.В. Балашова, А. Вежбицкая, Ю.И. Гамаюнова, Анна А. Зализняк, В.В. Колесов, О.Н. Кондратьева, Е.М. Маркова, М. Вас. Пименова, С.М. Толстая, О.Н. Трубачев, М.И. Чернышева, А.Д. Шмелев, С.Г. Шулежкова).

Степень разработанности темы исследования.

Семиотический принцип, используемый в диссертации, рассматривался как интегральный способ интерпретации фактов языка и фактов культуры (С.В. Гринев, Д.О. Добровольский, В.В. Иванов, Э. Кассирер, В.В. Колесов, Ю.М. Лотман, М.М. Маковский, Ю.В. Мониц, С.М. Толстая, В.Н. Топоров, А.А. Уфимцева). В аспекте исторической лексикологии теоретическим основанием интегральных семиотических исследований являются работы Ленинградской / Петербургской школы исторической лексикологии и концептологии (В.В. Колесов, О.А. Черепанова, А.Д. Васильев, М. Вас. Пименова, Н.В. Деева, Д.Г. Демидов, Л.Н. Дониная).

В диссертационном исследовании предлагается рассматривать историческую лексикологию как интегральную (антропологическую) дисциплину, изучающую на лексическом уровне символические формы языка. В рамках диахронического подхода признается исходная символичность (образность) языкового знака (Н.В. Иванов, А.Е. Кибрик, В.В. Колесов, С.М. Мезенин, А.И. Смирницкий, Р. Якобсон). Проявлением в языке категории символа признается коннотация (Р. Барт, В.Н. Телия, Л.Ф. Чертов); следовательно, дополнительным теоретическим основанием диссертации являются общие положения теории коннотации, прежде всего ее понимание как соотнесение номинативной информации и культурного контекста, как оценки, формируемой в семиотическом пространстве культуры (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия). Представленный в диссертационном исследовании анализ культурной значимости слова в истории русского языка опирается на теорию семантического синкретизма (диффузности) древнерусского слова. Понятие семантического синкретизма может исследоваться в типологическом контексте, но чаще применяется по отношению к древним языкам (Анна А. Зализняк, Л.С. Ковтун, В.В. Колесов, В.В. Левицкий, Е.М. Маркова, М. Вас. Пименова, М.М. Покровский, О.Н. Трубачев, О.А. Черепанова).

Цели и задачи исследования.

Цель диссертационного исследования – описать факты, разновидности и методы анализа **информации о культурных ценностях** (культурной значимости) **в структуре лексического значения** при рассмотрении диахронического аспекта русского языка (исторической лексикологии). Поставленная цель определяет решение следующих **задач**:

1. Выявить теоретические и методологические основания изучения культурной значимости слова; рассмотреть культурную значимость слова в качестве результата символического семиозиса, интегрального по отношению к знаковым системам языка и культуры.

2. Выявить закономерности и формы реализации символического семиозиса при историческом развитии русского слова.

3. Ввести понятие «культурная значимость слова»; определить место данного термина в антропологической (антропоцентрической) парадигме языкознания; определить соотношение данного термина с когнитивными методами описания лексики, прежде всего с концептуальным анализом.

4. Рассмотреть традицию описания культурной ценностной информации (культурной коннотации; культурной значимости слова) в исторической лексикологии русского языка и в русской исторической лексикографии.

5. Сформулировать основные методы экспликации и описания культурной значимости слова при диахроническом изучении русской лексики.

6. Определить пути зарождения и трансформации культурной значимости слова как фактора семантической эволюции отдельных слов-концептов.

7. Разработать примеры лексикологического описания культурной значимости слова как символического аспекта исторически развивающегося концепта слова.

8. Сопоставить результаты реализации культурной значимости слова в русском языке различных эпох и в источниках различного происхождения.

Объект исследования – история русской лексики и отдельных слов-концептов в письменный период развития русского языка; предыстория отдельных слов-концептов (этимологический аспект). **Предмет** исследования – семантические признаки, составляющие поверхностную (узкую) и глубинную (широкую) структуру лексического значения рассмотренных слов в диахроническом аспекте. Наиболее подробно в диссертационной работе рассматривается история лексем *брада, волк, город, град, долготерпение, меч, мечник, пастырь, печаль, стол, сыр, терпение, терпеть, труд, уныние, чудо*.

Достоверность результатов исследования обеспечивается использованием специальных критериев отбора лексических единиц и широким кругом привлекаемого материала.

При отборе лексических единиц использовалось пять критериев, пересечение которых позволяло предполагать разнообразные и репрезентативные результаты, – этимологический, словообразовательный, системный, культурно-ономасиологический и историко-семасиологический.

Этимологический критерий требует привлекать к анализу исконные лексические единицы, содержащие этимологизируемые праиндоевропейские корни, – для наблюдения длительной динамики культурной значимости. Словообразовательный критерий определяет возможность анализа однокоренных слов для выявления путей лексикализации номинативных и коннотативных (культурнозначимостных) признаков. Системный критерий предполагает рассмотрение парадигматических оппозиций лексических единиц в лексико-семантической системе. Культурно-ономазиологический критерий определял отбор номинаций тех объектов, которые обладали особой значимостью и в то же время определенной обыденностью, распространенностью – в итоге прецедентным характером – в тех или иных культурно-исторических условиях. Историко-семасиологический фактор требовал рассматривать слова, чьи значения изменяли свой тип при семантической эволюции слова (учитывались и более конкретные, узкие, и более абстрактные, обобщенные, значения одного слова).

Материалом исследования стали лингвистические и энциклопедические словари и памятники письменности русского языка, опубликованные либо в соответствии с требованиями филологического издания, либо в специальных лингвистических изданиях, в том числе в сопровождении справочного и статистического аппарата; либо доступные в виде рукописей, опубликованных в электронной форме в виде отдельных изданий либо в составе электронных коллекций. В работе использовались материалы исторических картотек (картотеки древнерусского словаря, картотеки словаря русского языка XVIII в.) и Национального корпуса русского языка. В некоторых случаях в качестве дополнительного источника контекстов использовались современные печатные и электронные публикации. Выбор материала исследования каждый раз определялся конкретными задачами описания той или иной лексической единицы.

Методология и методы исследования.

Работа выполнена путем интеграции фундаментальных лингвистических методов, прежде всего сравнительно-исторического и структурно-семантического. Сравнительно-исторический метод предполагает две исследовательские процедуры – внешнюю реконструкцию и внутреннюю реконструкцию, и в отношении формальных структур (фонем, морфем) они давно сделались классическими. Внутренняя реконструкция в области семантики предполагает сопоставление письменно зафиксированных значений однокорневых форм, что позволяет судить о семантической филиации корня и о происхождении слова. Важнейшей реализацией сравнительно-исторического метода является анализ внутренней формы слова. Такой анализ вместе с тем решает задачи когнитивного исследования, что обеспечивается пониманием внутренней формы слова как диахронического явления, обусловленного символической (образной, тропической) функцией языка.

В области структурно-семантических методов в диссертационном исследовании разграничены анализ структуры полисеманта и анализ

структуры семемы (отдельно взятого значения). Использование понятия «семема» при анализе полисеманта позволяет снять проблему разграничения узуальных лексических значений, с одной стороны, и оттенков значения, с другой. Структурный анализ полисеманта смыкается со сравнительно-историческим методом, поскольку структурно-семантические особенности современного слова отражают его диахронию. Развитие синхронных структур на базе диахронических переходов отражает действие символического семиозиса: первичное и вторичное значение могут образовывать удвоенную символическую структуру: {‘семема 1’ => ‘семема 2’}. Подобная структура, с позиций традиционного семантического описания, составляет единое лексическое значение ‘семема 1 – семема 2’, поэтому для разграничения в подобном значении двух элементов (семем) необходимым образом применяется, помимо прочего, метод референциального анализа (анализа референции именных групп). Такая реализация структурно-семантического описания полисеманта позволяет раскрыть когнитивный потенциал данного традиционного метода.

Исследование микроструктуры лексического значения опирается на метод семного анализа (анализа семантических признаков). Данный метод предполагает выделение интегральных и дифференциальных компонентов значения (сем), но также допускает анализ дополнительных компонентов – фоновых, окказиональных, вероятностных сем, которые во многом формируют смысловое (концептуальное) содержание. Разграничение семем и выделение фоновых (окказиональных) сем опирается на метод контекстуального анализа.

В рамках концептуального подхода в работе используется метод «концептуального квадрата» (В.В. Колесов), разновидность концептуального анализа, при которой филиация лексических значений рассматривается как диахроническое раскрытие содержательных форм концепта – образов, символов, понятий.

Новизна исследования связана с разработкой специальных и уточнением существующих методов семасиологического описания, а также с отбором лексических единиц, прежде не рассмотренных или рассмотренных неполно в когнитивном диахроническом аспекте. Уточнена теория символа как интегральной категории языка и культуры, разработана последовательность семасиологического анализа данной категории. Показана возможность концептуального анализа не только в отношении ключевых концептов культуры, но, за счет применения нескольких критериев отбора, по отношению к разнообразным в плане семантики и коннотации лексическим единицам.

В исследовании теоретически и методологически обоснованы понятия «культурная значимость слова» (впервые вводится в научный оборот) и «символическое значение слова». Показано место символического значения в общей типологии лексических значений, определены приемы его описания в синтагматическом и парадигматическом аспектах в рамках исторической лексикологии русского языка. В систему методов для описания культурной

значимости слова включены анализ внутренней формы слова, сопоставление однокорневых слов, анализ внутренней формы фразеологизма, анализ семантического синкретизма как формы взаимодействия номинации и культурной значимости, анализ семантической иррадиации (контекстуального обогащения смысла и парадигматического взаимодействия), анализ двойной референции лексической единицы, диахронический анализ стилистических компонентов значения, диахронический анализ имплицатурных компонентов значения.

Теоретическая и практическая значимость исследования представляется интердисциплинарной. Теория символа как интегральной категории языка и культуры способствует объединению гуманитарных исследований на единой методологической основе, формированию единого языка междисциплинарных исследований, возможности взаимно транслировать результаты лингвистических, литературоведческих, культурологических описаний. Особенно важно развитие теории символа для лингвистических дисциплин, поскольку полученные результаты окончательно опровергают представления о невозможности или ограниченности исследования символа на языковом материале.

В результате уточнения теории концепта введены в научный оборот понятие об антиномиях концепта и классификация интерпретаций концепта, основанная на этих антиномиях. В области концепта слова (лексического концепта) продемонстрирована возможность последовательного практического применения теории «концептуального квадрата».

В области исторической лексикологии обеспечивается методологическое обоснование антропологического (антропоцентрического) подхода: анализ глубинных структур лексического значения в его динамике, диахроническое описание прагматики и культурных коннотаций слова. Теория культурной значимости слова подтверждает широкую применимость понятий семантического синкретизма и лексической диффузности. Проведенный анализ символических значений слова подтверждает перспективность в области исторической лексикологии текстуальных методов исследования, развернутых описаний контекстов и речевых особенностей слова. Описание слов-концептов в диахроническом аспекте показывает, что задачи исторической лексикологии, понимаемые в когнитивном плане, и задачи исторической концептологии во многом смыкаются.

Полученные в диссертационном исследовании выводы применимы в области исторической лексикографии: уточняется место «оттенков значения» в структуре словарной статьи исторического словаря. Результаты исследования могут использоваться при составлении словарей символических значений – как узуальных, так и авторских. Полученные результаты могут применяться при подготовке эмпирических исследований, также в практике вузовского преподавания различных дисциплин: исторической лексикологии русского языка, исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, лексикологии и

фразеологии современного русского языка, старославянского языка, стилистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвопоэтики, лингвистического и филологического анализа текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для изучения языка в контексте культуры необходимо рассматривать культуру как семиотическую систему, образованную пересекающимися подсистемами кодов. Включаясь в систему культурных знаков, элементы языка (универсальной знаковой подсистемы), приобретают культурную значимость.

2. Приобретение словом культурной значимости происходит в результате действия символического семиозиса, то есть в результате формирования слова – образного знака. Первичное (денотативное) означаемое слова при этом становится означающим для культурного содержания (культурных ценностей, смыслов) – возникает вторичное означаемое слова.

3. Функция символа (образного знака) является для слова не исключительной, но ведущей. Слово – образный знак, который утрачивает, но восстанавливает свою образность. Первоначальным проявлением символичности слова становится его внутренняя форма. В истории слова его символическая функция проявляется в речи, в контексте (семантический синкретизм) и в системе языка (слово как культурный символ).

4. Символическое значение слова существует в диахронической типологии лексических значений слова и возникает в определенных контекстах как переходное значение между первичным лексическим значением и вторичным лексическим значением. Символическое значение слова может становиться узувальным и закрепляться в системе языка.

5. Концепт слова является суммой исторически зафиксированных актуальных и потенциальных значений слова. Культурная значимость слова образуется суммой его символических значений, номинативная часть концепта слова связана с передачей образного и понятийного содержания.

6. Основные типы семантических переходов – метафора и метонимия – являются средствами создания вербального символа (двухреферентного символического значения). При утрате словом символической функции метафора и метонимия организуют однореферентное переносное (производное) значение слова.

7. Древнейшая культурная значимость слова реконструируется с помощью этимологического анализа и в различной степени сохраняет актуальность в дальнейшей истории слова (*город, труд, терпение*). Тем самым возможно судить о культурной идентичности слова в диахроническом аспекте.

8. Культурная значимость слов, отражающая мифологические представления праславянского периода, сохраняется и преобразуется в древнерусский период (*труд, печаль, волк*). Культурная значимость слов старославянского и древнерусского языков свидетельствует о взаимодействии языческих славянских и христианских представлений.

Современная культурная значимость слова оказывается итогом его исторического развития (*подвиг, город, волк*), но может при этом модернизироваться и расширяться в новых контекстах.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы, полученные в результате диссертационного исследования, были изложены в докладах на следующих конференциях: VIII, IX, X, XI межвузовские научно-методические конференции «Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании» (Москва, Московский гуманитарный педагогический институт: 2009, 2010, 2011, 2012 гг.); XII, XIII, XIV, XV, XVI международные научные конференции «Виноградовские чтения: Текст, контекст, интертекст (XII–XV); История и современность филологических наук (XVI)» (Москва, Московский городской педагогический университет: 2011, 2013, 2015, 2018, 2020 гг.); IV Международная научная конференция «А. С. Пушкин и мировая литература» (Беларусь, Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 2012 г.); Междисциплинарный международный межвузовский проект «Not only: Теория и практика междисциплинарных гуманитарных исследований» (Москва, Московский гуманитарный педагогический институт: 2013 г.; Москва, Московский педагогический государственный университет, 2018 г.); Второе всероссийское совещание славистов (Москва, Институт славяноведения РАН, 2013 г.); Ежегодная методическая мастерская для преподавателей-русистов стран СНГ и Балтии (Литва, Вильнюс, Литовский эдукологический университет, 2013 г.; Киргизия, Бишкек, Российский центр науки и культуры, 2015 г.); XLIII, XLV, XLVI, XLVII, XLIX Международные филологические научные конференции (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет: 2014, 2016, 2017, 2018, 2020 гг.); V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, Московский государственный университет, 2014 г.); Ежегодная Богословская конференция (Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет: 2014, 2015, 2018, 2020 гг.); XVI Всероссийская научно-практическая конференция «Синтез в русской и мировой художественной культуре» (Москва, Московский педагогический государственный университет, 2015 г.); XII, XIII, XIV Международные научные конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир – Суздаль, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2017, 2019, 2021 гг.); I Всероссийский научный семинар с международным участием «Язык и ментальность в диахронии» (Владимир, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2017 г.); Международная междисциплинарная гуманитарная научная конференция «Птица как образ, концепт, знак» (Москва, Московский городской педагогический университет, 2017 г.); Межвузовская междисциплинарная гуманитарная научная конференция с международным участием «Мир насекомых в пространстве литературы,

культуры, языка» (Москва, Московский городской педагогический университет, 2018 г.).

Структура диссертационного исследования. Диссертация разделена на три части и состоит из девяти глав. Первая часть работы, «Интегральные категории языка и культуры», содержит теоретическое обоснование методологических принципов, используемых в диссертационном исследовании. Важнейшие для работы понятия (символ, символический семиозис, культура, миф, язык, культурная значимость языка) рассматриваются в этой части сопоставительно в контексте культуры (первая глава) и в контексте языка (вторая глава), категория слова-концепта рассматривается в диахроническом лингвокультурологическом аспекте (третья глава). Во второй части работы, «Методы и проблемы исторической лексикологии в антропоцентрическом аспекте», рассматривается применимость разрабатываемых и уточняемых методов описания собственно языковой и лингвокультурной семантики (культурной значимости) к историко-лексикологическому материалу различного типа. Здесь определяется место культурной значимости в структуре лексического значения слова (четвертая глава) и выделяется шесть основных способов экспликации культурной значимости слова (пятая глава). Третья часть, «Выражение культурной значимости в словах-концептах», содержит подробное описание избранных слов-концептов в диахроническом аспекте. Здесь рассматриваются лексические концепты «печаль» (шестая глава), «терпение» (седьмая глава), «труд» (восьмая глава), «город» (девятая глава). Диссертационное исследование содержит список сокращений (источников), список научной литературы, список используемого иллюстративного материала (таблиц) и два Приложения, в которых представлены перечень лексических единиц, исследуемых в диссертации, и перечень выявленных символических значений слова. Общий объем работы – 647 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность диссертационного исследования, рассматриваются его теоретические и методологические основания, сформулированы цели и задачи исследования, указан привлекаемый материал, формулируются новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Семиотические категории культуры в контексте интегрального описания**» рассматривается статус семиотики как методологического основания лингвистики и культурологии, обосновывается применение понятия «символ» в качестве интегральной категории описания языка и культуры. Символическое содержание языка, образуемое совокупностью культурных значимостей слов, оказывается изоморфным мифологии данной культуры и обладает свойствами интенциональности, имманентности, иерархичности. Изучение культурного содержания посредством лексикологических описаний требует имманентного анализа, то

есть характеристики культурной значимости слова исходя из собственных интенций данной культуры. Лингвофилософским основанием такого анализа оказывается феноменологический подход: предметом семиотического анализа изначально оказываются не объекты некоей действительности (природной или трансцендентной), а психические образы и категории, феномены, ценные сами по себе.

В диссертации в результате рассмотрения ряда научных работ выделяется понимание культурологии, актуальное для предпринятого исследования культурных значимостей слова. Культурология понимается как дисциплина семиотическая, а следовательно научная (соотнесенная с собственной, уникальной предметной областью), гуманитарная (постигающая смыслы, которые создает и которыми оперирует человек), историческая (изучающая динамику трансляции и изменения культуры, точнее определенных современных и древних культур).

Исследуемыми единицами культуры при семиотическом подходе являются семиофакты (артефакты в знаковой функции), которые соотносятся с культурными формами и культурными ценностями. Слово становится средством передачи культурных смыслов, то есть формирует свою культурную значимость, при вхождении с семиофактами культуры в общую знаковую (символическую) цепочку – минимум трехчленную.

При включении слова в культурную семиотическую систему оно передает информацию о культурных формах и обеспечивает трансляцию культурных ценностей: *городъ* => {‘артефакт / семиофакт – культурная форма’ => ‘княжеская власть’}. Древнерусское слово *городъ* указывает на культурную форму древнерусской крепости и тем самым ассоциируется с княжеской, государственной властью, то есть выражает важнейшую категорию древнерусского сознания, культурную ценность. Указание *города* именно на власть не является обязательным и определяется конкретными контекстами употребления, связанными с описанием социального опыта.

Невербальные знаки культуры (семиофакты) реализуются в ситуации ритуала, который должен рассматриваться как текст культуры. Слова-символы выражают культурную значимость при употреблении в ритуальных и ритуализованных ситуациях. Взаимодействие языка и ритуала наиболее ярко проявляется в ритуальной культуре, каковой была древнерусская христианская культура. В секуляризованной культуре ритуальность повседневного поведения не очевидна и ритуал кажется вытесненным в ограниченные сферы деятельности. Однако элементы ритуального поведения, пусть даже имплицитно, присутствуют в любом человеческом действии. Взаимодействие слов и семиофактов, мифологического текста и ритуала имеет динамический характер и может исследоваться гуманитарной наукой при соблюдении семиотического и исторического принципов.

Культурная значимость, включаемая в структуру лексического значения, определяет его усложненный характер. Вербальный знак (слово) оказывается универсальным, предельным означающим, способным выразить последовательный ряд (цепочку) означаемых. Именно развертывание

подобных цепочек и формирует культурный миф – ценностную и целостную картину мира, систему представлений о действительности, характерную для данного народа. Усложненное лексическое значение должно рассматриваться как значение символическое.

Культурная значимость слова выражается через его символические значения, при реализации которых культурная значимость соотносится с базовой интенцией данной культуры. Например, *городъ* выражает идею государственной власти, но сама государственная власть как культурная ценность определяется соотношением князя с Господом, княжеской власти с властью Создателя – так реализуется христианская доминанта древнерусской православной культуры.

Во второй главе «Символический семиозис в языке» рассматриваются теоретические основания изучения символических форм на собственно языковом материале. Понятие «символ» подробно анализировалось в филологических исследованиях, и именно в них приобрело многозначность, не сводимую к единой трактовке. При всех существующих подходах означаемым символа признается объект, недоступный непосредственному чувственному восприятию. Анализ лингвистической и лингвофилософской литературы показывает существование четырех основных трактовок понятия «символ», причем в различных областях культуры понятие символа рассматривается по-разному. Символ может пониматься как графический знак (культурология, математика), условный знак (математика, структурная лингвистика), знак с усложненным означаемым (философия, культурология, филология), мотивированный знак (религиозная философия).

Ключевым для понимания сущности символа является вопрос о соотношении этого семиотического феномена с мотивированным образом и с конвенциональным знаком. В филологии понятие символа противоречиво: в литературоведении это образный знак, явление, тяготеющее к тропам, в то время как в лингвистике под влиянием идей Ф. де Соссюра сохраняется понимание символа как конвенционального знака, противопоставленного образу. В диссертационном исследовании символ признается универсальным средством информационного общения, центральной семиотической категорией гуманитарного знания. Знаковость и образность (противоположные способы десигнации) являются двумя тенденциями функционирования символа, и символ в классическом виде оказывается своего рода «точкой равновесия» (Л.Ф. Чертов) между этими разнонаправленными тенденциями. В структурном отношении символ – семиотическая цепочка (минимум триада) означающих и означаемых.

Языковой знак (по крайней мере, слово) предлагается рассматривать как исторически развивающийся символ (мотивированный, образный знак). Мотивированность, образность слова максимальна в момент его возникновения: слова, как и другие элементы языка, мотивируются предшествующим состоянием языковой системы. В дальнейшем усиливаются знаковые качества, конвенциональность слова: подобная

динамика соответствует закономерностям развития символических форм. Однако образность слова может восстанавливаться: это проявляется в народной этимологии, в рэтимологизации, в поэтическом осмыслении, в развитии новых значений. Таким образом, слово – это знак-символ, постоянно утрачивающий и обновляющий свою символичность.

Основная реализация языкового символизма – внутренняя форма языка. Внутренняя форма слова включается в структуру символа: она становится означаемым для фонетической формы, но одновременно означающим для лексического значения. Например, этимологическая символика слова *город*: (1) **ge/ord + *ǫ =>* (2) ‘окружить, огородить’ + ‘результат процесса’ => (3) ‘огражденное, защищенное место’. Внутренняя форма (2) является означаемым для фонетической формы (1), но одновременно и означающим лексического значения (3). Отношение (2) => (3) представляет собой «образ образа» (А.А. Потебня): неопределенное множество объектов (3) – по данным славянских языков и диалектов, от овина до крепости – может быть представлено через признак замкнутой изгороди, обозначенной границы (2). При развитии лексического значения и знаковости происходит утрата мотивированности и образности, то есть утрата отношений (1) => (2) и (2) => (3): элемент (2) исчезает или совпадает с элементом (3), формируется отношение (1) => (3). В результате принято говорить о скрытой или утраченной внутренней форме слова.

Внутренняя форма должна обнаруживаться во всех случаях символического семиозиса, то есть во всех языках культуры. В поведенческом культурном коде, как и в языке, реализуется символическая структура, включающая внешнюю форму (1), внутреннюю форму (2), значение ритуала (3). Подобная структура реализуется, например, при употреблении в ритуальной ситуации слова *держава*: (1) государь принимает *державу*, т.е. держит в руках шарообразный предмет => (2) ‘держит в руках, то есть устанавливает порядок родной земли’ => (3) ‘становится верховным правителем страны’. Внутренней формой этого ритуала является элемент (2), содержание которого определяется символической функцией артефакта *держава*. Употребление слова в контексте указанного ритуала формирует его символическое значение *держава* {‘ритуальный шарообразный предмет’ => ‘государственная власть’}.

Структура символа воспроизводится при развитии семантики слова; такое развитие может быть обусловлено воздействием знаков культуры на естественный язык. При семантической филиации слова категорией внутренней формы можно характеризовать отношения первичного и вторичного значений: старое значение оказывается мотивирующей базой для нового значения. Внутренняя форма и архаичные семемы позволяют реконструировать или выявить в контексте символические значения, которые составляют культурную значимость слова.

Культурная значимость – совокупность всей национально-культурной информации, выражаемой словом в его истории. Задача ее описания сводится

к выявлению актуальных и узувальных символических значений, то есть таких символических значений, которые либо рассматриваются как факт речи, либо последовательно воспроизводятся в определенных типовых контекстах. Понятие культурной значимости сближается с понятиями вертикального контекста, национально-культурного компонента значения, прагматики, идеологии (идеологизированных слов), идеологической оценочности, культурных сем, культурного фона, социокультурного значения, культурологической маркированности. Теснее всего понятие культурной значимости соотносится с понятием культурной коннотации. Термин «коннотация» представляется менее предпочтительным при описании культурных смыслов, так как эксплицитный слой коннотации – эмоциональность; это ведет к необходимости различать эмоциональную и культурную оценки в структуре коннотации. В отличие от коннотации, культурная значимость слова обладает познавательным потенциалом и функцией социальной регуляции; в этом смысле понятие культурной значимости слова соотносится с понятием концепта.

В третьей главе **«Концепт как категория когнитивной и антропологической лингвистики»** рассматривается соотношение понятий «культурная значимость», «символическое значение слова» и «концепт»; характеризуются ограничения, связанные с возможностью использовать категорию концепта при описании лексической семантики в культурном контексте. Продуктивность термина «концепт» снижена из-за неоднозначности его определения; существующие дефиниции не всегда соотнесены с отчетливыми процедурами концептуального анализа.

Сложность определения концепта объясняется пятью языковыми антиномиями: ментального и языкового, логического и образного, уникального и универсального, изменчивого и устойчивого, сакрального и профанного. Понятие культурной значимости слова коррелирует с понятием концепта, если он рассматривается как явление языковое, образное, национально специфическое, изменчивое (диахроническое) и сакральное.

Антиномия ментальных и языковых свойств концепта делает необходимым его междисциплинарное изучение. Рассмотрение концепта со стороны языка предполагает его реализацию прежде всего на уровне лексики. Однако в лексикологии с введением понятия концепта обнаруживается избыточность терминологии, так как концепт пересекается по своему содержанию либо с лексическим значением, либо с семантическим полем.

Антиномия логических и образных свойств концепта объясняется тем, что концепт совмещает в себе функциональные свойства понятия и образа. Признание концепта одной из разновидностей понятия соответствует общеевропейской традиции употребления данного термина. Диахроническое понимание концепта позволяет видеть в нем единение образа и понятия, которое приобретает исторически: в первоначальном образе выделяются существенные, понятийные признаки. Соединение в концепте двух типов когниции, образного и понятийного, сближает концепт с символом,

образным знаком, совмещающим два типа десигнации. Таким образом, концепт может и должен изучаться как исторически формирующийся символ.

Необходимо различать пять интерпретаций концепта: психологическую (ментальную), логическую, художественную, культурную, историческую (лексическую, вербальную). Целям описания культурной значимости слова соответствуют прежде всего художественная, историческая и культурная интерпретации, каждая из которых реализуется в самостоятельной дисциплине. Это соответственно лингвопоэтика, историческая лексикология и лингвокультурология. В этих интерпретациях концепт рассматривается как исторически сформировавшаяся символическая структура.

Историческая интерпретация позволяет рассматривать концепт как категорию исторической лексикологии и изучать не только явную, но и скрытую (потенциальную) семантику слова, архаичные и инновационные семантические признаки. Исторический концептуальный анализ показывает, что культурная значимость слова не случайна, не индивидуальна, не произвольна и определяется развитием семантики слова, явленными в его истории содержательными формами концепта. Такие формы составляют «концептуальный квадрат» (В.В. Колесов) – логическое и историческое единство внутренней формы, образа, понятия и символа. В лексикологическом отношении концепт – историческая сумма узуальных (понятийных и образных), потенциальных, символических значений слова.

Узуальное значение слова – это, в частности, его современное прямое или производное номинативное значение, сформированное на этапе развития понятийной формы концепта: *город* ‘крупный населенный пункт’, *держава* ‘суверенное государство’. В исторической перспективе узуальными значениями часто могли быть и значения образные. Исторически узуальные значения, которые перестают воспроизводиться в современном языке, образуют семантический потенциал слова (потенциальные значения).

Ядром концепта являются символические значения, так как именно они связывают лексему со знаковыми полями культуры. Символ – универсальное средство развития смысла слова, поэтому символические значения, преобладая в эпоху Средневековья, порождались и в более позднее время. Следовательно, историческая лексикология должна изучать как архаичные, так и инновационные символические значения слова. В синхронной лексикологии методы такого изучения отчасти обозначены, поскольку символическое значение – это то, что в ряде случаев рассматривается в синхронии как культурная коннотация либо как переносное значение.

Образные, понятийные и символические содержательные формы концепта так или иначе выражались словом в разные исторические периоды. Задача исторической лексикологии – определить, какие типы значений соответствовали этим содержательным формам, каким способом происходила реализация в тексте таких значений и, далее, лексическая семантика какого типа преобладала у каждого слова и в системе в целом в ту или иную историческую эпоху. Тем самым историческая лексикология

сможет на конкретном материале показать, какой была реальная последовательность движения концептуального квадрата, что в значительной мере совпадает с задачами изучения культурной значимости слова.

В четвертой главе «**Предмет исторической лексикологии: проблемы диахронического описания семантики и коннотации**» рассматриваются теоретические предпосылки формирования исторической лексикологии как антропологической дисциплины, анализируются в теоретическом аспекте и на конкретном языковом материале дискуссионные вопросы исторической лексикологии, определяющие перспективу изучения культурной значимости слова, характеризуются лексикологические термины и понятия, необходимые для диахронического изучения культурной значимости слова.

Антропологический потенциал исторической лексикологии был определен уже ее предысторией – связью с мифологической школой отечественной филологии, которая должна рассматриваться как восходящая к философии языка В. фон Гумбольдта. В трудах Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни рассматривались символические свойства слова и его связи с категорией мифа. В XX веке основаниями русской исторической лексикологии как дисциплины антропологической и культуроведческой являются работы М.М. Покровского, Б.А. Ларина, Ф.П. Филина, В.В. Виноградова, П.Я. Черных, О.Н. Трубачева (этимологическое направление изучения слова), Н.И. Толстого (этнолингвистика), В.В. Колесова (речемыслительное направление изучения слова).

С учетом антропологического подхода актуальные задачи сравнительно-исторического метода в области лексики таковы: определить причины, направление и детали семантических изменений, произвести реконструкцию семантических отношений, выявить семасиологические связи языка и культуры (как материальной, так и духовной), то есть культурную значимость лексики русского языка. Описание культурной значимости лексикологическими методами означает выявление символических лексических значений и, следовательно, определение места этих значений в общей типологии лексических значений. В.В. Виноградов различал лексические значения по направленности на действительность и по характеру сочетаемости. Переосмысление идей В.В. Виноградова дало различные уточнения критериев, но сопоставление существующих типологий показывает, что одни и те же термины неоднозначно используются различными исследователями и для характеристики одних и тех же свойств лексического значения используются различные термины.

Вследствие смешения синхронного и диахронического подходов оказывается невозможным однозначное употребление существующих терминов – должно быть пересмотрено понятие о прямом и, в особенности, о переносном значении. Происхождение и структура символического значения определяют его место между значением прямым и значением переносным. Следовательно, часть тех значений слова, которые традиционно относят к значениям прямым и к значениям переносным, следует по определенным критериям относить к значениям символическим. В диссертационном

исследовании на диахроническом лексическом материале исследуется зона переходности между прямыми и переносными значениями.

Для определения места символического значения в системе лексических значений используются понятия первичного и вторичного значений. Прямое, переносное и производное значения характеризуются как изменчивые, исторически обусловленные. При диахронической характеристике лексического значения его статус определяется функцией (реляционной характеристикой – первичное или вторичное) по отношению к другим значениям. Исходное значение обладает первичной функцией и определяется как прямое. Символическое значение – это совмещение первичного и вторичного значений слова. Характеристика значения как символического, переносного или производного определяется соотношением первичного и вторичного денотатов в конкретный исторический период, такая характеристика может меняться от символического к переносному и от переносного к производному.

Несомненным лексикографическим (семиологическим) признаком переносного значения является его перемещение в структуре полисеманта на передний план, при этом первичное значение начинает осознаваться как неосновное либо функционально ограниченное, в том числе как устаревшее. Переносными значениями оказываются *гад* ‘плохой человек’ для современного русского языка; *город* ‘населенный пункт’ (первичное – ‘крепость’) для старорусского языка и, возможно, XVIII века; *гроб* ‘ящик’ для XIX века (в XIX веке словарем отмечаются 1) «церковное» ‘могила’, 2) ‘ящик’); *труд* ‘целенаправленная деятельность’ для старорусского языка. Приведенные примеры показывают, что научный диахронический подход вступает в противоречие с обыденным восприятием языка: значения *город* ‘поселение’, *гроб* ‘ящик’, *труд* ‘деятельность’ должны считаться переносными для определенных исторических периодов и производными в современном русском языке вопреки их обыденному восприятию как значений прямых.

В диссертационном исследовании разграничиваются понятия этимологического, потенциального, актуального, узуального символических значений. Этимологическое символическое значение образуется совмещением прямого значения с признаками (не интенциональными) внутренней формы. Потенциальное символическое значение (*гроб* ‘погребальный ящик – знак смерти’; *топор* ‘орудие для рубки – знак простоты, грубости’; *ремень* ‘пояс из кожи – знак наказания’; *кино* ‘фильм – знак выхода за пределы привычной реальности’) содержит культурную коннотацию, которая при дальнейшей эволюции слова сохраняется как со-значение или преобразуется во вторичное значение. Актуальное символическое значение – это категория речи, оно является обязательной реализацией узуального и потенциального значений.

При определении культурной значимости слова необходимо использовать специальные критерии для разграничения потенциальных символических значений (обычно отождествляемых с прямыми или

переносными), узуальных символических значений (обычно отождествляемых с переносными) и собственно переносных значений. В диахроническом аспекте эти три значения представляют собой стадии развития одной семемы, при этом их общей особенностью является динамическое совмещение двух денотатов: $D_1d_2 \rightarrow D_1D_2 \rightarrow d_1D_2$. У потенциального символического значения на переднем плане находится первичный денотат, поэтому его обычно идентифицируют с прямым значением (*кино, ремень, топор*). У символического значения узуального типа два денотата равноправны, однако такое равновесие неустойчиво, и при усилении вторичного денотата значение воспринимается как переносное и именно в таком качестве отражается словарями (*змея, лира, сердце*). Для разграничения значений разного типа предлагаются критерии лексикографический (семиологический, рефлексивный), дискурсивный (референциальный), контекстуальный (критерий обусловленности). Например, в соответствии с дискурсивно-референциальным критерием оказывается возможным выделить и разграничить символические значения *крест* ‘священный предмет как знак веры, связи с Богом’; *крест* ‘священный предмет как знак смерти’; *крест* ‘священный предмет как знак русской старины’.

Символические значения слова обычно представлены полиреферентными контекстами, которые соотносятся с ритуальным или ритуализованным поведением, поэтому такие значения характерны прежде всего для культур определенного типа (древних, сакральных). В современной культуре, в условиях, когда ритуал часто уступает место ритуализованным формам и обыденному поведению, символические значения предстают как не узуальные, но потенциальные, способные реализоваться в определенных условиях. В этих случаях о потенциальном символическом значении свидетельствует коннотация. Культурную значимость слова составляют как узуальные, так и потенциальные символические значения.

У символических значений узуального типа прагматический аспект, связанный с культурным статусом артефакта (семиофакта), закреплён в системе языка. Именно слова-символы, приобретшие узуальные символические значения, представляют собой завершённые концепты и определяют своеобразие национальной культуры; они обязательно соотносятся с определенным дискурсом – религиозным, мифологическим, идеологическим, мифопоэтическим.

Лексикографическим признаком узуального символического значения является особый тип толкования – использование термина «символ» или двусоставная дефиниция, в которой указаны означающее и означаемое символа (*булава, голубь, ёлка, жезл, журавль, крест, лира, регалия, рябина, сердце, трезубец, трон* и др.). Например, толкование слова *ёлка* в словаре С.И. Ожегова содержит три значения, причем в качестве второго зафиксировано узуальное символическое значение ‘дерево как знак праздника’, противопоставленное как первичному прямому, так и вторичному переносному.

Для успешного выделения символических значений слова должен быть переосмыслен объем понятия «метафора». В современной лингвистике метафора используется как тотальная, всеохватная категория, подменяющая собой и метонимию, и символ. В когнитивной лингвистике метафора (когнитивная метафора, концептуальная метафора, базисная метафора) функционально тождественна символу, поскольку рассматривается как средство познания, соотносимое с мифом. В противоположность этому предлагается определять метафору и метонимию как явления одного уровня – механизмы семантического переноса, средства создания символа. Существуют примеры, которые традиционно рассматриваются как метафора, однако диахронический подход позволяет выявить на их месте метонимию: *печаль* ‘физическое страдание → горестное чувство’, *веселье* ‘бодрость, пляска → позитивное чувство’, *насолить* ‘рассыпать соль → навредить’, *город* ‘крепость → тыл боевых действий’.

Для определения символического значения в контексте применяются структурно-семантический анализ семемы и дистрибутивный метод: семантические признаки согласуются с присутствующими в контексте актуализаторами (маркерами) лексического значения. В частности, анализ памятников письменности показал, что древнерусская лексема *чудо* реализует различные символические значения, в том числе ‘событие исцеления как знак мистического присутствия’, ‘исцеление от болезни как знак диалога Бога с человеком’, ‘впечатление красоты как знак совершенства мира Божьего’, ‘необычное событие как знак воли Господа’.

В пятой главе «**Методы выделения и описания культурной значимости**» рассматриваются средства и приемы лексико-семантического анализа символических значений, составляющих культурную значимость слова. Для решения поставленных задач анализируются словообразовательная структура слова, факты лексической диффузности и семантического синкретизма, семантическая иррадиация на уровне синтагматики и парадигматики, семантическая структура и внутренняя форма фразеологизмов, референция слов-символов в тексте, соотношение культурной значимости и стилистической коннотации.

Анализ семантических связей родственных слов показывает, что при семантической филиации культурно значимый признак внутренней формы производящего слова может транслироваться внутренней формой производного слова: *меч* {‘сияющий’ => ‘оружие’} → ‘(сияющее) священное оружие’ → ‘священное, то есть законное оружие’ → ‘священное оружие как знак военной и прочей (законной) власти’, и в результате *мечник* – {‘человек с мечом (священным оружием)’ => ‘человек, осуществляющий (законную, священную) власть’}, то есть культурная значимость слова *мечник* отражает семантическую преемственность ‘сияющий’ → ‘священный’ → ‘властный’.

Анализ культурной значимости, в том числе архаичной, на материале фразеологии продуктивен вследствие устойчивости внутренней формы фразеологизмов – раздельнооформленных единиц. В результате для лексем *волк* материал фразеологического семантического поля позволяет

восстановить мифологические истоки культурной значимости, ее связь с образами и персонажами славянского язычества. Удастся разграничить фразеологизмы различного происхождения и выявить преобразование древнейшей культурной значимости в условиях христианской культуры: обнаружена историческая преемственность *волк* ‘божество плодovitости’ → ‘злой пастух’ → ‘онтологический враг человека’.

При описании семантической структуры многозначных слов необходимо учитывать различные типы синкретизма, соотносимые с праславянской, древнерусской и современной языковыми системами. Древнейший образный синкретизм обусловлен неопределенностью денотативного расширения в древнем слове; такой синкретизм связан с выражением этимологических символических значений: *ворон* ‘черный, обожженный => врановая птица’, *печаль* ‘жар, огонь => всякое страдание’. Более поздний тип синкретизма – лексическая диффузность – соотносится с передачей культурных символов (в ритуальных или ритуализованных ситуациях): *стол* ‘трон => власть’; *стол* ‘предмет мебели => социально значимое принятие пищи’ (культурный символ ‘трапеза => социальный статус’); *плач* ‘ритуальные слезы => общественная печаль, траур’. Современный синкретизм проявляется в художественном (метафорическом) тексте; культурная значимость в поэтическом тексте может соотноситься с символами традиционной культуры: *волк* ‘хищник => враг человеческий’; *тучка* ‘облако, дым => душа’.

В древнерусском языке семантический синкретизм обнаруживается в лексической системе и в синтагматике, и в парадигматике. В синтагматике синкретизм и символические значения выражаются особыми единицами – «синкретемами» (М. Вас. Пименова) – несвободными сочетаниями слов. Один из древнейших типов синкретем – синонимическая пара – средство выражения двусоставных символических значений: *печаль и скорбь* ‘эмоция <= физическое страдание’, *радость и веселие* ‘счастье <= пение’, *уныние и лънность* ‘психическая подавленность => грех’.

Реальность символического значения как при реконструкции внутренней формы, так и при анализе контекстов, содержащих синкретизм, подтверждается контекстом ритуальной ситуации, существованием определенного мифологического, религиозного, мифопоэтического дискурса. По отношению к праславянским (индоевропейским) ритуалам реконструируются символические значения *чудо* ‘чувственное восприятие => эзотерическое знание’; *меч* ‘сверкающий клинок => священная война’; *волк* ‘дикий зверь => хозяин леса, тайный пастух’. При описании церковных текстов (дискурс проповеди) выявлены культурные значимости *птица* ‘злой дух’, *земля* ‘душа’, *пастырь* ‘духовный наставник’; *зима* ‘грех’, *лед* ‘безбожие’, *весна* ‘обращение к Богу’. Пример мифопоэтического символа – *солнышко* ‘небесное светило <=> конь’.

Закрепление слова за ритуальным (ритуализованным) дискурсом означает его стилевую (стилистическую) ограниченность, тем самым методом описания культурной значимости становится стилистический

анализ. Славянизмы выполняют символическую функцию в исторически определенном корпусе текстов: культурная значимость *брада* ‘благочестие, крепость в вере’ – в старообрядческом дискурсе второй половины XVII века, *град* ‘духовная крепость государственной власти’ – в религиозно-политическом дискурсе борьбы со Смутой первой половины XVII века.

В контекстах, так или иначе отражающих культурный ритуал, реализуется двойная референция номинативных единиц. Подобная референция изучается синтаксическими (анализ именных групп), лингвопоэтическими (отграничение поэтического символа от поэтической метафоры или аллегории) или структурно-семантическими (анализ семантических маркеров, актуализаторов) методами. За пределами ритуализованного дискурса двойная референция номинативной единицы не воспроизводится: слово *волк* выражает символ в мифологическом ритуале, но не в басне; *пастырь* – в церковном дискурсе, но не за его пределами. В обыденном светском дискурсе на основе символического значения исторически формируется монореферентное переносное значение: *пастырь* ‘стерегущий овец => церковный наставник’ → *пастырь* ‘священник, архиерей’; *гражданин* ‘житель города => активный защитник государства’ → *гражданин* ‘ответственный член общества, подданный государства’. При изменении дискурсивных качеств номинативной единицы символическое значение не только утрачивается, но также и преобразуется: *нищие духом* ‘сознательно бедные => спасенные в Боге’ (в евангельском дискурсе) → *нищие духом* ‘смиренные, кроткие => спасенные в Боге’ (в широком церковном дискурсе) → *нищие духом* ‘интеллектуально, нравственно, духовно не развитые’ в светском десакрализованном дискурсе.

В шестой главе «Развитие концепта “печаль”» рассматривается происхождение ряда символических значений и их место в структуре концепта-эмотива. В древнерусском языке слово *печаль* было средством выражения минимум четырех символических значений: (S1) ‘душевная подавленность => страсть печали’, (S2) ‘душевная подавленность => страсть уныния’, (S3) ‘горестное чувство <=> несчастливое событие’, (S4) ‘горестное чувство <=> рыдания’. Культурная значимость слова *печаль* определяется его местом в праславянской культуре (семантический компонент ‘беда или рыдание как знаки, свидетельства чувств’) и в средневековой православной культуре (семантические компоненты ‘страсть печали’ и ‘страсть уныния’). В структуре обратимого (<=>) символического значения (S3) означающее и означаемое символа могут меняться местами, так как являются онтологически равноправными феноменами в древнерусский период: эмоция и общественно важное событие как культурные знаки.

По соотношению дискурсивного, контекстуального, семасиологического критериев значение *печаль* S1 может считаться в древнерусском языке узואльным символическим, значения S2, S3, S4 – потенциальными символическими. Значение S1 не ограничено фразеологически, но имеет жанрово-стилистическую специфику и тематические маркеры (*мирьская, житишская, жизньная, зельная*),

указывающие на православно-аскетический дискурс. Значения S2, S3, S4 ограничены конструктивно (*без печали*) или фразеологически (обычно реализуются в составе синонимических пар: *печаль – грущение, печаль – тоуга, печаль – тоужение, печаль – плачь*). Значение S4 устойчиво соотносится с ритуалами (языческий погребальный обряд, библейское знаковое поведение), но не отражено вторичной семемой.

Первоначальную оппозицию образных понятий (культурных символов) православно-аскетической культуры «страсть печали» – «страсть уныния» выражали греческие термины $\lambda\acute{\upsilon}\pi\eta$ – $\acute{\alpha}\eta\delta\acute{\iota}\alpha$ и их славянские эквиваленты *печаль – уныние*. Сопоставление греческих и славянских номинаций пассивных страстей показывает, что на основе святоотеческих размышлений в области православно-аскетической антропологии в византийской и древнерусской культурах формировались соотносимые, но самостоятельные ряды концептов пассивных страстей. Древнерусские слова благодаря особенностям своего семантического объема могли по-разному выражать образную основу символа: *печаль* ‘беспокойство о земных вещах’ или *уныние* ‘утрата душевных сил’; символическое означаемое было при этом одинаковым – ‘неверие, отпадение от Бога’. В результате древнерусская структура культурного символа $\lambda\acute{\upsilon}\pi\eta$ / *печаль* точнее указывала на причину именно страсти печали, но не уныния: {‘подавленное состояние, вызванное избыточными мирскими, земными заботами’ => ‘страсть, греховное состояние души: отпадение от Бога’}.

При совпадении двух эмотивных образов виды страстей уже не различались и возникало единое символическое значение ‘подавленное душевное состояние => неверие, отпадение от Бога’. Такое обобщенное значение чаще выражалось словом *печаль*, поскольку первоначальный образ *печали* отражал одновременно состояние того, кто печалится, скорбит – и беспокоится, заботится. В результате слово *печаль* обладало в древнерусском языке наибольшей культурной значимостью среди всех эмотивов.

Основная тенденция в развитии концепта *печаль* – формирование современного понятия ‘пассивная отрицательная эмоция сниженной интенсивности’. Символическая константа в истории слова *печаль* – значение ‘горестное чувство <=> несчастливое событие’, которое фиксируется в различных культурных условиях от праславянского периода до современного русского языка. Противоположное явление – нерегулярные символические значения: в XII–XIII вв. диффузное значение *печаль* ‘горестное чувство => неприязненное отношение’; в XVII–XVIII вв. узуальное значение *печаль* ‘черная одежда => горестное чувство’. В последнем случае основой для формирования символического значения было использование культурного знака «траурная одежда», лингвистическим источником новой номинации стало устойчивое сочетание *печальное платье*.

В результате переосмысления эмотивной семантики в XVIII в. у слова *печаль* сформировалась новая культурная значимость: по образцу некоторых других эмотивов (*меланхолия* ‘переход от тоски к радости’) слово *печаль* стало использоваться для номинации «легких», «приятных» чувств, печаль

стала символом своеобразного удовольствия, к которому способны тонко чувствующие, поэтически одаренные люди. После перехода признака культурной коннотации в область интенционала изменилось основное лексическое значение слова *печаль*: оно потеряло способность обозначать интенсивные отрицательные переживания. В результате за пределами церковного дискурса слово *печаль* перестало выражать символическое значение, связанное с православно-аскетической категорией страсти.

В седьмой главе «**Культурная значимость слов с корнем *-тьрп-*: диахронический аспект**» рассматриваются древнейшие основания культурной значимости слова *терпение*, связанные с его этимологией и местом в структуре исторического словообразовательного гнезда. Диахроническое описание родственных слов с корнем *-тьрп-* позволяет выявить предельные этимологические уровни культурной значимости и выявить преемственность в развитии лексической символики от праиндоевропейского периода до древнерусского языка.

Для корня *-тьрп-* культурная значимость раннего праславянского периода связана с амбивалентным праиндоевропейским символом растущего дерева. На праиндоевропейской базе **(s)ter-p-* сформировался ряд родственных корней **terp // *torp // *trp* ($\rightarrow$ *-тьрп-*), с которыми может быть соотнесена энантиосемичная культурная значимость: 1) растущее, молодое дерево понимается как дрожащее, подвижное, хрупкое, цветущее и символизирует энергию жизни (положительная оценка); 2) старое дерево понимается как жесткое, неподвижное, опасное (острое), разрушающееся, гнилое и символизирует смерть (отрицательная оценка). Указанная культурная значимость позволяет реконструировать символическое значение корня **terp* (**torp // *trp*): ‘динамика подвижности и неподвижности, подобная состоянию растущего дерева’.

В результате содержательной доминантой слов с древним корнем **terp* оказывается энантиосемия, которая реализуется в диахронии как в номинативных, так и в коннотативных признаках. Первоначальное противопоставление – оценочные признаки праславянского корня **terp* ‘рост, движение, жизнь’ и ‘неподвижность, разрушение, смерть’. На их основе сформировалась энантиосемия общеславянского корня **torp*: ‘быть быстрым, подвижным’ и ‘быть неподвижным, страдающим’. В письменную эпоху, в древнерусском языке, возникло противопоставление между образным значением глагола *тьрпѣти* ‘испытывать различные формы страдания’ (отрицательная оценка) и возникшей культурной значимостью (*дълго*)*тьрпѣти* ‘проявлять духовно-нравственную добродетель’ (положительная культурная оценка).

Закрепление за глаголом *тьрпѣти* и его производными эмотивного значения произошло в общеславянском и раннем древнерусском языках. В общеславянском языке выделяется этимологическое символическое значение *тьрпѣти* { ‘быть неподвижным’ => ‘быть слабым, не активным, страдать’ }: культурная значимость определялась соотношением физических, природных качеств и эмоционально-нравственной сферы. В древнерусском языке

окончательный переход к обозначению нравственного бездействия привел к формированию прямого значения *търпѣти* ‘не реагировать на негативное событие’. При этом в древнерусском языке можно видеть следы семантического взаимодействия в ряду **търпати – търпѣти – *търпнути*, то есть при обозначении как физической, так и эмоционально-нравственной неподвижности. В результате сохранения древнейшего синкретизма в различных контекстах могло выражаться обобщенное качество ‘быть замершим – бесчувственным – ослабевшим – бессильным’, соотносимое и с физическими, и с нравственными обстоятельствами.

Культурные значимости, связанные с древнерусским концептом *търпѣние*, первоначально сформировались в греческих новозаветных текстах. Важнейшим узуальным символическим значением, связанным с христианским символом жертвы, было *μακροθυμέω – μακροθυμία* {‘человек длительно переживает негативные события => человек страдает ради спасения души, жертвует собой’ => ‘Господь не спешит гневаться, длительно переживает поведение грешников => Господь страдает ради спасения человека, жертвует собой’}. В новозаветных пропозициях эта обобщенная символическая структура реализуется в виде частных символических значений: ‘человек не спешит наказывать должника => Господь не спешит наказывать грешника’; ‘Господь не спешит помогать страдающим => Господь спасает людей, оставляя время для покаяния’; ‘человек безропотно страдает от обид => человек уподобляется страдающему Господу, спасает душу’. Такие частные символические значения отражают узуальное символическое значение ‘испытывать заботы => проявлять милосердие’.

В древнерусском языке культурная значимость (узуальные символические значения) греческих слов *μακροθυμέω* и *μακροθυμία* первоначально передавалась глаголом *дълготърпѣти* и существительным *дълготърпѣние*, которые транслировали эту культурную значимость словам *търпѣти*, *търпѣние* в результате семантической аттракции однокоренных слов. На реализацию актуальных символических значений глагола *търпѣти* и его производных в древнерусских текстах указывают маркеры различных типов: словообразовательные (*дълготърпѣти*, *прѣтърпѣти*), лексические, пропозициональные. Лексические маркеры: наименования Бога и его атрибутов, термины церковной жизни, духовно-нравственные термины, названия и элементы номинаций церковных книг. Пропозициональными маркерами в древнерусском тексте становились парафразы и цитаты греческих прототипических новозаветных фрагментов.

В раннем древнерусском языке глагол *търпѣти* выражал диффузное образное значение, различительные признаки которого (‘лицо’, ‘негативная оценка ситуации’, ‘отсутствие воли’, ‘длительность воздействия’ и другие) могли подвергаться нейтрализации. У производного существительного *търпѣние* на основе транспозиционного образного значения под воздействием греческих слов *ὑπομένω* и *ὑπομονή* стало формироваться символическое значение ‘переживание тягот, физического страдания, напастей => духовная стойкость христианина’. Таким образом,

первоначальное прямое значение *търпѣние* ‘страдание, переживание напастей’ должно считаться фактом дописьменного времени: в XI веке оно было преобразовано в потенциальное символическое значение.

В древнерусском языке к началу XIII века сформировался завершённый лексический концепт *търпѣние*, структура которого включала значения разного типа. Ядро концепта составляло узуальное символическое значение ‘духовно-нравственное качество человека: безропотное переживание физических и социальных тягот, неудобств, уподобляющее человека Господу и необходимое для спасения души’. Это значение являлось результатом переосмысления греческих концептов в произведениях древнерусской книжности: семантические признаки, выработанные греческими словами *μακροθυμία* (1) и *ὕπομονή* (2), были совмещены и послужили основой (означающим) для единого символического значения: *търпѣние* ‘безропотное страдание из-за физических неудобств (2) и чужих грехов (1) => спасение души’.

В восьмой главе «**Культурная значимость лексемы *труд***» анализируются лексико-семантические особенности древнерусского слова *трудъ* (чрезвычайный синкретизм исходного образа, рецепция греческой православно-аскетической культурной значимости), позволившие этому слову транслировать важнейшие символические признаки в истории русского языка. Тем самым обнаруживается преемственность в развитии культурной значимости в древнерусском, церковнославянском, старорусском языках и в современном русском языке в XX веке.

Звуковая форма лексического концепта *трудъ* имеет сложную историю. Этимология основной формы – **treud-* // **troud-* такова: внутренняя форма отглагольного существительного – ‘то, что давит’ – применялась для осмысления внешней деятельности (‘усилия’) и внутреннего восприятия (‘страдание’). Праславянская филиация индоевропейского образа **troud-* имеет параллели в происхождении и семантике греческих слов *πόνοσ*, *κάματος*. На формирование концепта *труда* оказала воздействие омонимическая (паронимическая) аттракция со звуковой формой **trond-* → *трждь* ‘древесный гриб → кожная болезнь’. Совмещение омонимов стало результатом совпадения их культурной значимости: *трудъ* ‘напряжение => страдание’ + *трждь* ‘болезнь => страдание’ → *трудъ* ‘усилия, страдания, болезнь’.

Древнерусский концепт *трудъ* сохраняет широкий праславянский синкретизм (при лексикографическом описании – от четырнадцати до двадцати четырех семем). Синкретизм отражается в многочисленных случаях лексической диффузности: ‘всякое душевное страдание’; ‘страдание – рвение – монашеский подвиг’; ‘усилия – воинская доблесть’; ‘усилие – страдание’; ‘физическое страдание – душевное страдание’. Лексическая диффузность свидетельствует о преобразовании образной формы концепта в символическую, при этом выражались праславянская культурная значимость (этимологическое символическое значение ‘давление, напряжение => нравственные страдания’) и древнерусская культурная значимость

(узуальное символическое значение ‘напряжение, усилия, страдания => благочестие христианина’).

Древнерусская культурная значимость обусловлена греческой рецепцией, которая сопровождалась трансформацией символического означающего: ἀγών ‘усилия, борьба => освобождение от греха (приближение к Богу)’ было заменено при переводе на *трудъ* ‘усилия, страдание => освобождение от греха (приближение к Богу)’. Такая семантическая структура составляет в древнерусском языке основное, узуальное символическое значение слова *трудъ*, кратко определяемое как ‘подвижничество: монашеский подвиг’. Смысл монашеского подвига неотделим от тяжелой ежедневной работы, от постоянного претерпевания физических страданий. Необходимое в аскетическом учении освобождение от греховных страстей – духовный процесс, требующий не только умственного напряжения, но и обязательных телесных усилий, то есть *труда*.

Дополнительные символические значения слова *трудъ* – результат тематического, жанрового, контекстуального уточнения основного символа. Такие значения отражают наложение основной символической структуры на различные аспекты образа *труда*: ‘подвижничество: светский подвиг’, то есть ‘усилия, успешные деяния, поступки => духовная награда (спасение в Боге)’; ‘подвижничество: воинский подвиг’, то есть ‘усилия, тяготы военных действий => духовная награда воина (выполнение Божьей воли)’; ‘подвижничество: подвиг страстотерпца’, то есть ‘физические страдания, мучения => духовная награда – избавление от грехов’.

Указанные символические значения не являются регулярным предметом святоотеческой рефлексии в средневековой литературе, в отличие от центрального символического значения, и потому, в соответствии с семиологическим критерием, должны рассматриваться как символические потенциальные, но не узуальные. Причем в контекстах, в которых отсутствуют маркеры культурной оценки или ритуальной ситуации (нет указания на символическое означаемое – духовные ценности), необходимо в соответствии с дискурсивным критерием говорить уже не о символических, но о прямых образных значениях: ‘деятельность’; ‘воинские усилия’; ‘мучение, страдание’.

Диффузностью и сложным символизмом слова *трудъ* объясняются трудности его лексикологического и лексикографического описания. Различные образные признаки – ‘напряжение, усилие, страдание’ – в истории русского языка становились означающими для различных символических означаемых. Для успешной интерпретации слова *трудъ* в том или ином контексте необходимо корректное описание как означающего, так и означаемого символа. Примерами сложных контекстов являются употребление слова *трудъ* в «Слове о полку Игореве» (1) и в молитве Андрея Боголюбского (2). Символические структуры в этих случаях: 1) {‘сухой древесный гриб → обожженный трут → пепел → горечь’ => ‘страдания в период военных событий; воинский подвиг; долг (христианского) воина’}; 2)

{‘физическое и душевное страдание; несчастья’ => ‘(безуспешная) борьба с грехом, греховность’}.

Последовательность изменения культурной значимости *труда* – тяжелой целенаправленной деятельности – в XI–XVII вв. была следующей: ‘спасение в Боге, праведность, благочестие’ («Житие Феодосия Печерского») → ‘благочестие, сословная честь’ (старорусский язык) → ‘сословная честь, общественная польза’. Последний тип культурной значимости получил окончательное развитие в XVIII веке. В XIX веке на передний план полисеманта *трудъ* вышло понятийное значение, сформированное в результате преобразования исходного признака культурной значимости в признак интенционала: в древнерусском языке направленность тяжелых усилий – это ‘духовное совершенствование’, в современном русском языке – ‘производство материальных продуктов’. Подобное преобразование концепта определялось переходом лексемы из сферы преимущественно религиозно-нравственной в хозяйственно-экономическую.

Современная культурная значимость слова *труд* сформировалась в XX веке и обусловлена древнерусской и церковнославянской традициями. Основные средства трансляции культурной традиции – синкретема *трудъ* и *подвигъ* и лексема *трудъ*, употреблявшиеся в древнерусском языке для передачи апостольского символа {‘тягость => страдание’ => ‘достоинство христианина’} и святоотеческого символа {‘усилия’ => ‘духовная награда’}. При трансляции культурной значимости в истории русского языка изменялись символическое означающее, то есть образно-понятийная основа символа (1), и символическое означаемое, то есть культурные ценности (2). Ср.: (1): ‘напряжение, усилия, страдание’ → ‘целенаправленная деятельность’; (2): ‘духовная награда, результат’ → ‘материальная награда, результат’; ‘освобождение от страстей, спасение в Боге’ → ‘праведность, благочестие’ → ‘сословная честь’ → ‘общественная польза, гражданский идеал’ → ‘советский патриотизм, приближение к социализму и коммунизму’. Изменение в символической структуре сопровождалось изменениями в грамматической структуре: *трудъ* и *подвигъ* → *подвиг* и *труд* → *подвиг труда* → *трудоу* *подвиг*.

В девятой главе «Семантическая структура древнерусской лексемы *городъ* / *градъ*» рассматривается выражение символических значений разного типа в условиях стилистического разнообразия древнерусского языка, при употреблении неполногласной и полногласной форм. Анализ древнерусских письменных памятников демонстрирует проекцию базовых интенций древнерусской культуры за пределы собственно ритуальных церковных контекстов и реализацию символических значений (культурной значимости слова) в контексте ритуализованных ситуаций светского характера.

Номинативные и символические свойства древнерусской лексемы *городъ* / *градъ* опосредованно отражают праиндоевропейскую культурную значимость. Внутренняя форма слова – ‘окружение, ограничение, замыкание чего-либо определенными границами’. Исходное значение, образ-синкрета, – ‘пространство, освоенное человеком, предназначенное для укрытия, работы,

безопасной жизни'. Соотнесение внутренней формы и синкреты позволяет реконструировать этимологическое символическое значение: 'граница => пространство человеческой деятельности'. В праславянском языке посредством префиксальных глагольных основ и тематических именных основ происходила дифференциация различных аспектов образа-синкреты. В результате в древнерусской письменности этимологическое символическое значение реализуется в уточненном виде: 'границы, стены крепости => защита во время войны, безопасность'.

Дистрибутивный анализ, примененный к различным древнерусским текстам, прежде всего летописным, позволил выделить 17 синтагменных моделей. Модели, связанные с передачей первичных образно-понятийных признаков, включают: (1) глаголы пространственного перемещения; (2) глаголы движения внутрь и наружу; (3) глаголы со значением военных действий; (4) однокоренные глаголы с корнем **-sto-*; (5) однокоренные глаголы с корнем **-stop-*; (6) однокоренные глаголы с корнем **-tvor-*; (7) наименования лиц военно-административного сословия. Модели, связанные с передачей вторичных образно-понятийных признаков, включают: (14) конструкцию *оть града* в сочетании с обозначением городских жителей; (15) сочинительные сочетания (во множественном числе) слов *градъ, городъ* со словами *вьсь, село*; (16) имена собственные, названия укрепленных поселений, в качестве приложений; (17) наименования общественно важных событий в сочетании с конструкцией *въ градъ / въ городъ*.

Выделены синтагменные модели для передачи символических значений лексемы *городъ / градъ*. Этимологическое символическое значение 'крепостные стены => безопасность, защищенная территория' выражалось моделями, содержащими: (11) однокоренные глагольные формы, указывающие на способ постройки и тем самым на материал стен; (12) глаголы с обобщенным значением 'строительство'. На лексико-семантическом уровне эти модели характеризуются лексической диффузностью. Узуальное символическое значение 'населенная крепость => княжеское владение, богатство' выражалось моделями, содержащими: (8) глаголы с корнем *-а-*; (9) глаголы с корнем *-да-*; (10) притяжательные формы местоимений и существительных. Узуальное символическое значение 'населенная крепость => жители как политический субъект: общинная власть' выражалось моделью №13 – словосочетанием *вьсь градъ*.

В древнерусском языке противопоставление полногласной и неполногласной форм *городъ – градъ* в целом не обусловлено символической функцией слова. Однако выделены частные жанрово-тематические факторы, влияющие на использование этих форм. Вариант *градъ* в книжно-славянских текстах регулярно используется для указания на религиозно значимый населенный пункт. В летописном тексте наблюдается тематическая закреплённость полногласной формы в моделях №11 и №12: *городъ* 'крепостная стена'. Спорадически, в отдельных летописных контекстах, встречается дифференциация *городъ* 'население' – *градъ* 'крепость' или *городъ* 'крепостные стены' – *градъ* 'поселение'.

Образно-понятийные модели при фразеологизации отдельных сочетаний допускали реализацию символических значений. Фразеологизм *затворити са въ градъ* выражал символическое значение ‘запереть ворота => упорно сражаться’, связанное с культурной значимостью *градъ* ‘война’ – потенциальное символическое значение *градъ* ‘крепость => война’. Фразеологизм *вѣси и грады* выражал символическое значение ‘все (различные) населенные пункты => страна; весь христианский народ’, связанное с культурной значимостью *градъ* ‘общинная власть’, отсюда потенциальное символическое значение *градъ* ‘населенная крепость => народ’. При двойной референции контекста эксплицировалось потенциальное символическое значение *градъ* ‘населенный пункт => религиозная жизнь; сакральный центр’. В составе отдельно рассмотренного фразеологизма *вышьнии (горьнии, небесьнии) градъ (Иерусалимъ)* выражалось узувальное символическое значение *градъ* ‘населенный пункт => царство Божие’.

Символическая функция лексемы *городъ / градъ* отражает семантическое развитие слова, переход от этимона (1) к прямому (2) и переносному (3) значениям: ‘крепостная стена’ → ‘населенная крепость’ → ‘защищенное поселение’. Летописный текст (на примере Лаврентьевской летописи) отражает все этапы такого семиозиса, включая символические значения ‘(1) => (2)’ и ‘(2) => (3)’, вследствие сложной истории формирования этого текста (от раннедревнерусского протографа к старорусскому списку). Соотношением (2) => (3) продуцировалось несколько признаков культурной значимости, прежде всего ‘общинная власть’, ‘княжеское владение’, ‘Божественная власть’. В контекстах, не ограниченных синтагменными моделями, при реализации двойной референции подобные означаемые могли последовательно включаться в символическую цепочку, например *городъ* {‘крепость’ => ‘наследственное владение’ => ‘русское государство’}; *городъ* {‘населенная крепость’ => ‘имущество; богатство; власть’ => ‘родина, священная отчизна’ => ‘порученное Богом’}. При реализации такой последовательности православные интенции древнерусской культуры опосредованно реализовывались в княжеском военно-административном дискурсе.

В Заключении подводятся итог описанию культурной значимости слова на материале исторической лексикологии русского языка, содержатся выводы, подтверждающие основные положения, выносимые на защиту.

Установлен семиотический изоморфизм языка и культуры. Понимание слова как символа позволило определить его место в системе культурных знаков: слово характеризуется культурной значимостью, которую оно приобретает при включении в общие семиотические ряды со знаками культуры: слово => {знак культуры => культурный смысл}.

Культурная значимость – совокупность культурной информации, выражаемой словом в его истории, что в семасиологическом аспекте тождественно сумме узувальных и потенциальных символических значений слова. Необходимо говорить о символической функции как о третьей

обязательной функции слова наряду с номинативной и эмоционально-оценочной. Применение категории антиномий концепта позволяет соотносить культурную значимость с концептом как когнитивным предметом исторической лексикологии.

Символические значения занимают центральное место в диахронической классификации лексических значений, противопоставляясь значениям прямым и переносным. Основа диахронической классификации – оппозиция первичных и вторичных значений: символическое значение – результат их наложения. Как символические, так и переносные значения слова организуются как метонимическим, так и метафорическим переносом. Для определения конкретного типа переноса и его результатов необходимо учитывать культурную ситуацию эпохи и опираться при лексико-семантическом описании на синтагменные факторы. Задачей синтагменного анализа становится разграничение контекстуальных условий, в которых реализуется номинативная или символическая функция слова, то есть представлены образно-понятийные или символические значения.

При диахроническом описании должны быть разграничены по меньшей мере три исторических уровня культурной значимости: праславянский, древнерусский и современный. Вопрос о необходимой глубине реконструкции культурной значимости решается по-разному для каждого слова-символа. В результате культурной трансляции возникал переход от дописьменных языческих значимостей к христианским (*город, волк, чудо*), от греческих евангельских и святоотеческих – к древнерусским книжно-славянским (*печаль, терпение, труд*), от древнерусских православных – к современным (*волк, город, труд*).

Перспектива будущих исследований в области культурной значимости слова связана с дальнейшей разработкой типологии символических лексических значений как в диахроническом аспекте, так и в аспекте лексикографического описания.

В **Приложения** к диссертации включены списки лексических единиц, рассмотренных в работе, и символических значений исследованных слов.

Основные научные результаты, содержащиеся в диссертационном исследовании, отражены в 43 публикациях общим объемом 26,5 п.л.:

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Алексеев, А. В. К вопросу о символическом семиозисе слова в истории языка / А. В. Алексеев // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2013. – № 8. – С. 32–38. – 0,8 п.л.

2. Алексеев, А. В. Механизмы реализации символических значений в памятниках письменности XVII века / А. В. Алексеев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. – 2013. – № 1 (10). – С. 31–37. – 0,5 п.л.

3. Алексеев, А. В. Культурная значимость слова как категория исторической лексикологии / А. В. Алексеев // Вестник Московского

городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. – 2014. – № 1 (12). – С. 8–14. – 0,5 п.л.

4. Алексеев, А. В. Символические значения в истории слова *печаль* / А. В. Алексеев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 3 (15). – С. 45–51. – 0,5 п.л.

5. Алексеев, А. В. Лексикологические аспекты изучения концептов / А. В. Алексеев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 83–89. – 0,5 п.л.

6. Алексеев, А. В. Древнерусская лексическая семантика в языке и речи (символический аспект) / А. В. Алексеев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 3 (72). – С. 110–114. – 0,6 п.л.

7. Алексеев, А. В. Происхождение древнерусского концепта *търпѣние*: этимологический аспект / А. В. Алексеев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016. – № 3 (23). – С. 79–85. – 0,5 п.л.

8. Алексеев, А. В. Символическое значение слова в этимологии и истории русского языка / А. В. Алексеев // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 3 (29). – С. 107–112. – 0,7 п.л.

9. Алексеев, А. В. Стилистическая окраска слова в диахроническом аспекте / А. В. Алексеев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2017. – № 4 (28). – С. 64–71. – 0,5 п.л.

10. Алексеев, А. В. Историческая лексикология русского языка в антропологической парадигме языкознания / А. В. Алексеев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2018. – № 2 (30). – С. 33–40. – 0,5 п.л.

11. Алексеев, А. В. Проблема выделения и описания микрокомпонентов древнерусского лексического значения (на материале слова *чоудо*) / А. В. Алексеев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 1 (78). – С. 63–67. – 0,6 п.л.

12. Алексеев, А. В. Культурная значимость слова *труд* в XX веке: рефлексы древнерусского концепта / А. В. Алексеев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 2. – С. 164–170. – 0,6 п.л.

13. Алексеев, А. В. Репрезентация культурной значимости слова в художественном тексте (диахронический аспект) / А. В. Алексеев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2019. – № 4. – С. 9–16. – 0,7 п.л.

14. Алексеев, А. В. Культурная значимость слова *волк* по материалам фразеологии (диахронический аспект) / А. В. Алексеев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1. – С. 112–119. – 1 п.л.

15. Алексеев, А. В. Соотношение символа, метафоры и метонимии в истории слова / А. В. Алексеев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2020. – Т. 6. № 2. – С. 18–25. – 0,6 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

16. Алексеев, А. В. Лексическое выражение концептов *печаль* и *уныние* (в православно-аскетическом понимании) в русском языке XI–XVII вв. / А. В. Алексеев // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2002. – № 12. – С. 332–336. – 0,2 п.л.

17. Алексеев, А. В. Стилистические особенности стихотворения Александра Башлачева «Ванюша»: лексико-семантический аспект / А. В. Алексеев // Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института. – М. : МГПИ, 2004. – Т. 2. – С. 157–166. – 0,45 п.л.

18. Алексеев, А. В. Трансформация эмотивных концептов в различных литературно-художественных системах / А. В. Алексеев // Наследие Д. С. Лихачева в культуре и образовании России : Сб. материалов научно-практической конференции. – М. : МГПИ, 2007. – Т. 2. – С. 9–14. – 0,3 п.л.

19. Алексеев, А. В. Определение производящей основы в паре глагол – имя в свете праславянских реконструкций / А. В. Алексеев // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. – М. : МГПИ, 2008. – Вып. 7. Т. 1. – С. 143–146. – 0,2 п.л.

20. Алексеев, А. В. Концепт как исторически сформированный семантический потенциал слова / А. В. Алексеев // Ученые записки Московского гуманитарного педагогического института. – М. : МГПИ, 2009. – Т. 7. – С. 308–318. – 0,5 п.л.

21. Алексеев, А. В. Лексическая экспликация представлений о государственной власти в «Повести о житии царя Федора Ивановича» / А. В. Алексеев // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей. Т. 1. – М. : МГПУ, 2012. – С. 121–125. – 0,3 п.л.

22. Алексеев, А. В. Понятийная и символическая семантика корня *-град-* (на материале «Сказания» Авраамия Палицына) / А. В. Алексеев // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. ст. Вып. 11. В 2-х т. Т. 2. – М. : МГПИ, 2012. – С. 9–14. – 0,3 п.л.

23. Алексеев, А. В. Реализация символических значений в поэтических текстах А.С. Пушкина / А. В. Алексеев // Пушкин и мировая литература: материалы IV Межд. науч. конф. – Минск : РИВШ, 2012. – С. 125–128. – 0,25 п.л.

24. Алексеев, А. В. Культурная значимость слова в парадигме современного образования / А. В. Алексеев // Сборник материалов по итогам проведения Ежегодной методической мастерской для преподавателей-русистов стран СНГ и Балтии в рамках Федеральной целевой программы

«Русский язык» 2011–2015 гг. (Латвия, Литва, Украина, Эстония). – М. : Открытая русская школа; Россотрудничество, 2013. – С. 11–20. – 0,5 п.л.

25. Алексеев, А. В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики : монография / А. В. Алексеев. – М. : ГБОУ ВПО МГПУ, 2013. – 163 с. – 8 п.л.

26. Алексеев, А. В. Двойная референция в древнерусских и русских текстах / А. В. Алексеев // Текст, контекст, интертекст : Сборник научных статей по материалам международной научной конференции / Ответственные редакторы В. А. Коханова, Е. Ю. Геймбух. Т. 1. Ч. 2. – М. : МГПУ, 2014. – С. 5–11. – 0,3 п.л.

27. Алексеев, А. В. Историческая лексикология русского языка : учебное пособие / А. В. Алексеев. – М. : Экон-информ, 2014. – 47 с. – 1,8 п.л.

28. Алексеев, А. В. Культурная значимость слова *труд* в истории русского языка / А. В. Алексеев // Русистика и компаративистика : Сборник научных статей / главный редактор М. Б. Лоскутникова. – М. : ГБОУ ВПО МГПУ, 2014. – С. 24–35. – 0,5 п.л.

29. Алексеев, А. В. Реализация символических значений в церковнославянском языке / А. В. Алексеев // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2014. – № 24. – С. 260–262. – 0,2 п.л.

30. Алексеев, А. В. Отражение лексической семантики различного типа в исторических словарях русского языка / А. В. Алексеев // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2015. – № 25. – С. 269–270. – 0,2 п.л.

31. Алексеев, А. В. Структурная организация эмотивной лексики в древнерусском языке / А. В. Алексеев // Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л.И. Осиповой. – М. : МГПУ, 2015. – С. 19–25. – 0,3 п.л.

32. Алексеев, А. В. История лексемы *трудъ*: от печали до подвига / А. В. Алексеев // Текст, контекст, интертекст: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XIV Виноградовские чтения» / Отв. ред. Е.С. Ярыгина, Е.Ю. Геймбух. – М. : МГПУ, 2016. – С. 14–21. – 0,3 п.л.

33. Алексеев, А. В. Символические значения в истории слов *търпѣти* и *търпѣние* / А. В. Алексеев // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика. Материалы секций XLV Международной филологической конференции. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, ООО «Издательство ВВМ», 2016. – С. 78–82. – 0,3 п.л.

34. Алексеев, А. В. Культурная значимость слова как необходимый компонент информации исторического словаря / А. В. Алексеев // Язык и ментальность в диахронии : Материалы I Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых. – Владимир : Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2017. – С. 189–201. – 0,6 п.л.

35. Алексеев, А. В. Разграничение содержательных форм древнерусского концепта *городъ* на основе анализа синтагменных моделей /

А. В. Алексеев // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. – Владимир : Транзит-Икс, 2017. – С. 22–24. – 0,15 п.л.

36. Алексеев, А. В. Рецепция греческих концептов при семантической филиации древнерусской лексики *трудъ* / А. В. Алексеев // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2018. – № 28. – С. 226–227. – 0,1 п.л.

37. Алексеев, А. В. История слов в русском языке: структурные и когнитивные методы исследования / А. В. Алексеев // Текст, контекст, интертекст. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XV Виноградовские чтения. Т. 1: Русский язык. Методика преподавания филологических дисциплин / Ответственный редактор И. Н. Райкова. – М. : Книгодел; МГПУ, 2019. – С. 85–92. – 0,35 п.л.

38. Алексеев, А. В. Омонимия и паронимия древнерусского корня *-труд-* / *-тржд-*: диахронический аспект / А. В. Алексеев // Русский язык: исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) : Труды и материалы / под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. – М. : Издательство Московского университета, 2019. – С. 165. – 0,1 п.л.

39. Алексеев, А. В. Семантический синкретизм древнерусского термина *мечникъ* / А. В. Алексеев // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. – Владимир : Транзит-ИКС, 2019. – С. 29–32. – 0,15 п.л.

40. Алексеев, А. В. Соотношение номинации и коннотации в синхронии и диахронии (на материале названий врановых) / А. В. Алексеев // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. Коллективная монография / Департамент образования города Москвы, Московский городской педагогический университет, Институт гуманитарных наук. – М. : Книгодел; МГПУ, 2019. – С. 376–382. – 0,4 п.л.

41. Алексеев, А. В. Культурная значимость слова «пчела»: диахронический аспект / А. В. Алексеев // Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка. Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. – М. : Книгодел; МГПУ, 2020. – С. 255–259. – 0,25 п.л.

42. Алексеев, А. В. Понятие о переносном значении в диахроническом аспекте: границы применимости / А. В. Алексеев // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2020. – № 30. – С. 165–166. – 0,1 п.л.

43. Алексеев, А. В. Проблема синкретизма и диффузности лексического значения / А. В. Алексеев // История и современность филологических наук : Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. – М. : Книгодел; МГПУ, 2021. – С. 16–23. – 0,3 п.л.